

ВИТАЛИЙ КИРПИЧЕНКО

ИСКУПЛЕНИЕ

Роман

МИНСК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ»

2024

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бей=Рус)6-44
К43

Кирпиченко, В. Я.

К43 Искушение : роман / Виталий Кирпиченко. — Минск : Четыре четверти, 2024. — 300 с.
ISBN 978-985-581-659-2.

Главный герой книги Сергей вернулся на свою малую родину с чувством вины перед ней. Возникшее у него желание возродить родную деревню нашло отклик у многих, кто, как и он, утратил жизненный ориентир. Но для успеха мало иметь желание, нужны средства, а их-то и недоставало.

Владелец золотых приисков Сарьян не очаровывал красавицу художницу Юлию рыцарскими подвигами, не одаривал дорогими подарками — он просто её любил. Его незаметная и осторожная любовь не могла остаться безответной. Юлия поняла, что жизнь без этого человека будет пустой и бесполезной. Узнав от неё о неудачах компаньонов, Григорий Сарьян предложил им безвозмездную помощь. Однако его заподозрили в замысле всё прибрать к рукам... Дело закончилось миром и составлением генплана новой деревни — со школой, больницей, почтой, магазином и Дворцом культуры. Удачно сложилась и судьба Анатолия, он стал писателем и уехал в Красноярск со своей тайной любовью Ниной и её сыном.

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бей=Рус)6-44

ISBN 978-985-581-659-2

© Кирпиченко В. Я., 2024
© Оформление. ОДО «Издательство
“Четыре четверти”», 2024

Лучше зажечь свечу,
чем проклинать темноту.

Конфуций

1

Солнце скатывалось в низину за лесом. Оно на глазах меняло свой цвет: только что было ясно-белое, и вот уже левый бок его потемнел, а правый, прикрытый слегка набежавшим серым облачком, всё ещё жарко краснеет. Покраснела и кромка облачка.

Человек, бредущий по давно неезженной дороге, которую можно было только угадывать по едва заметным признакам, всё чаще поглядывал на солнце. Серые глаза щурились, собирая тонкие морщинки на висках, брови хмурились, губы нервно кривились, и весь его вид выдавал недовольство.

«Нет, не успею, — говорил он себе. — Топать ещё часа три, а день на исходе. Хорошо бы ручеек какой, но его тут и раньше не было, так откуда ему сейчас взяться. Согрею ту, что есть в бутылке. Наверное, надо так и сделать. И ноги сбиты, как-никак, а четыре часа их бью, и спина колом, и шею не повернуть. Вот у той берёзы и кину свои кости».

Тяжёлый рюкзак сполз со спины, и тело непривычно потянуло вперёд. Подперев спиной ствол берёзы, человек ещё раз посмотрел на солнце, похоже было, что сомнения не покинули его.

«Час смело можно бы ещё топать... Опять же ноги... Особенно левая... в коленке. Давно не беспокоила, а тут как одумалась. Двадцать лет молчала, а тут приспичило ей. Интересно, живёт ли кто на хуторе, или совсем брошенный догнивает? Хоть бы какая живая душа была, а то...» — дальше не думалось.

Отхлебнув глоток воды из бутылки, человек придвинул к себе рюкзак, достал топор. Топор был с новым топорщиком, ещё белым и шероховатым. Провёл подушечкой большого пальца по лезвию, остротой его остался доволен. Тяжело встал и, сутулясь, направился к семейке молодой поросли из осинки и берёзок. Срубил две

рогульки и перекладину, и принялся разводить костёр из сухих сучьев, в каких недостатка не было. Пока закипала вода в котелке, наломал веток ели и пихты, соорудил рядом с костром постилку. В закипевшую воду бросил горсть крупы и полбанки тушёнки.

Ужинал, когда солнце скрылось за лохматым лесом. Потянуло с низины прохладой. Пришлось достать из рюкзака тёплый свитер.

«Раньше здесь не было так холодно, до полуночи бегали босиком и ничего... Не мёрзли ноги даже ранней весной, а тут разгар лета, июнь, и зябко. Отвык от здешних мест и не привык к другим...»

Вот и небо затянула ночь чёрным одеялом, самое время уснуть после дальней и трудной дороги, а не спится.

«Двадцать лет скитаний, двадцать лет без родины. Как она меня примет? Может, отторгнет, как предателя, изменника, кинувшегося за приключениями в другие, лучшие, края и земли? Может, поймёт и простит — я же никогда не забывал её. Семнадцать лет прошли здесь, двадцать — в других краях, а теперь вернулся, чтобы закончить свой век. Закончить любой век немудрено, а вот прожить достойно удаётся не каждому. Полжизни прошло, а что на проверку? Ровным счётом — ничего! Канитель да кутерьма. Всё думал да надеялся на что-то, что изменит мою пустую жизнь. Ну, не совсем, конечно, пустую, работал, учился... Чему учился? Водку пить? Ну, было и это, только вовремя одумался. Вовремя ли — почти сороковник за плечами? Ещё что за плечами? Ничего. Что впереди? Неизвестность да желание жить иначе. Как иначе? Иначе, и всё!»

Листва берёзы похвально зашелестела, зашептала, звёзды на чёрном небе засмеялись. Где-то в глубине леса послышались странные звуки, человек приподнялся, прислушался. Звуки повторились.

«Гуран кричит, — укладываясь вновь, успокоился. — Их тут, наверное, расплодилось видимо-невидимо — мужиков-то нет, охотиться некому. А было-то как! О! Радости-то сколь было, когда отец приезжал с загона. Он бросал на пол в избе доху, и она дымилась морозным туманом, а мы с сестрёнкой, обезумев от радости, прыгали по ней босыми ножками и кричали, кричали... Потом я подрос и стал ездить на загоны, сначала загонщиком, а потом и ружьё отец доверил. Загонщиком тоже интересно. Кричишь, закрыв глаза, как можно громче,

и радуешься услышанному выстрелу. Мужики, крася настывшие губы кровью, едят тёплую, парящую на морозе печёнку косули. Варвары! А тогда казалось почти геройством. Но я так и не попробовал этой печёнки, и не жалею об этом. Пожалуй, теперь, умирай я с голоду, не загублю козочки, а тогда стремился к тому. Теперь я вижу её огромные испуганные глаза — и ничего больше. Лучше умереть с голоду, чем загубить это безобидное и прекрасное создание».

Крик совсем рядом, но не похож на прежний. Прилёгший было, и сомкнувший в истоме веки, человек встрепенулся.

«А это ещё что за чудо? — подумал он и потянулся за топором. — Волк не волк, но что-то не менее страшное. — Фу, ты! — фыркнул он, опознав голос, испугавший его. — Чёртова птица! И здесь без тебя не обошлось!»

Хоть и коротка летняя ночь, а пришлось вставать да подкидывать дровишек в костёр — холод, как и голод, требует к себе внимания.

Ранний рассвет белел туманом, закрывшим лес в низине, а тот, что на макушке холма, упорно чернел. Чернота леса то проявлялась, то пряталась, кутаясь в серое облако ленивого тумана. Было зябко. Кружка кипятка с брошенной туда щепотью чая, согрела быстро. Опустошена банка консервов — остаток от ужина, совсем стало хорошо и весело.

«Три часа — и я у ног матери-родины. Я — её блудный сын, я — её верный сын! Простит ли она меня за все мои ошибки? Много их было, но не со злым умыслом они делались, а по недомыслию, по юношескому задору, по гордыне, было и такое, чего уж тут скрывать. Гордыня на пустом месте. А если бы было чем гордиться, то лопнул бы по швам от распиравшего самодовольства. Ужас! Одно оправдывает — не я придумал и вселил в себя и гордыню, и желание умчаться в края дальние. Это от Бога! Он создал меня таким. Опять же, будь все одинаковые, что бы тогда было? Да ничего хорошего. Шишки на дереве и те все разные. Бог знает, что делает! — заключил человек, закидывая собранный рюкзак за спину. — Вперёд — заре навстречу!»

Через два часа вышел на опушку леса и остановился, поражённый увиденным. Перед ним, вдали, виднелась деревенька. Перехватило дыхание. Мелко дрожали ноги, боль в колене пропала сама по себе. На лбу выступил холодный пот.

«Здравствуй, милая, — прошептал тонкими иссохшими губами. — Вот и я! Прими, не гони! Прости!»

Сбросил тяжёлый рюкзак, опустился рядом на прохладную траву. Деревенька как на ладони. Но какая она жалкая. Маленькая, при- тихшая, боязливая. Избы тонут в траве и кустарниках. Не дымит ни одна труба — знать, некому печи топить. Ничего живого во дворах и на короткой улице!

«Вот так и сочиняются были-небылицы, — рассуждал человек, отрешённо глядя на деревеньку, лишённую видимости жизни. — Поселяются в пустующих избах ведьмы, вурдалаки, привидения. Они пугают случайных людей шорохами в углах отсыревших и прогнивших жилищ, стоном стен, так похожим на стон истомившегося ра- ботой крестьянина, что хочется встать, зачерпнуть ковш холодной воды и напоить его, а потом и самому напиток. Интересно, живут ли духи, привидения там, где нет уже ничего живого? Наверное, не живут. Неинтересно — некого пугать. Все боялись встречи с бабкой Солтычихой, а встретившись, опускали глаза долу и шептали что-то похожее на молитвы, только собственного сочинения. “Господи! Спа- си, помилуй, помоги! Пронеси нечисть мимо меня и моих близких!” А, собственно, что было страшного в этой Солтычихе? Ничего! Измож- дённая тяжким трудом крестьянка, у которой только то и страшное, что нос и подбородок, как у ведьмы из сказок, касаются друг друга. Умела править вывихи, поила травами страдающих болезнями “утро- бы”, лечила нашёптыванием детишек “от спуга”... Получается, дела- ла людям добро, а её боялись. Жив ли Харлам? Он, пасека и мёд — как одно целое и необыкновенно сладкое. Харлама никто никогда не ви- дел в деревне, и когда делили мёд по трудовням, мало кто вспоминал и тогда о нём. Улья, шалаш и Харлам жили своей жизнью, жили вдали от деревеньки, где пчёлам было цветочное раздолье, а Харламу — ти- шина и покой. Прибегали мальчишками на пасеку с одной целью — полакомиться медком, но почти всегда неудачно. Не мог пасечник раз- давать не своё добро налево и направо; но во время медосбора менял свои привычки, и тогда босоногая малышня развлекалась куском сот с заполненными ячейками янтарным мёдом, таким ароматным и слад- ким, что и в сказке не описать. Запах мёда преследовал долго. Может,

ещё и оттого, что замурзанные до ушей рты, липкие пальцы и ладони сохраняли этот запах до тех пор, пока не заменяли его другие запахи, менее приятные, но тоже желанные — запах хлеба, молока, оладушек или пирога с морковью. Детство, детство... Что может быть лучше детства? Ничего! У тебя столько нового, неизведанного, непонятного, на что нужно найти ответ, и ты его усиленно и усердно ищешь. И находишь! Правда, не всегда он истина. Чаще — догадка, попытка детского ума объяснить событие по-своему. «Почему ветер дует? — спрашивал Вождь Краснокожих, и тут же давал ответ: — Потому, что деревья качаются!» — человек усмехнулся, вспомнив и героя фильма, и неудачников-похитителей чудо-ребёнка.

Крайняя изба — Сергеевых, — всматривался вдаль человек, прищурив глаза. — А наша стояла рядом. Интересно, осталась ли она, или... Хорошо бы остановиться в своей, пускай бы и ветхой, но своей. Поставлю рядом новый сруб, а в старой будет летняя кухня. Вспашу огородик... К земле потянуло. Картошки посажу, огурчиков выращу, засолю в бочонке, груздочков, конечно же, тоже засолю, да с картошечкой отварной, рассыпчатой... — Человек сглотнул слюну. — Печь надо поставить большую, русскую; хлеб научиться выпекать. У мамы это здорово получалось! Буханки как колёса! Пышные! А запах! Одуреть можно! Краюха такого горячего хлеба и кружка молока — и ты на седьмом небе. Мамины руки пахли хлебом всегда! Что имеем — не храним, — тяжело вздохнул человек, и лицо его потускнело. — Наверное, и могил не найти, кому за ними было ухаживать, кому нужны чужие, тут и за своими не всегда и не все смотрят. Время такое. Какое? Да такое, неудачное. А когда оно было удачное? Это с какой стороны поглядеть на жизнь. Если сыт — удалось время? Ну, не совсем уж так просто надо судить. Боров всегда сыт, но... Хватит рассуждений — топать ещё час, да и там что ждёт — не известно».

Солнце ощутимо припекало открытую шею. Пот разъедал глаза, хотелось умыться холодной чистой водицей. Справа по пути стояла роща.

«Это такими стали деревья! — удивился человек. — Из тоненьких за двадцать лет превратились в настоящую рощу! И озерцо, наверное, сохранилось, что было рядом?» Тянуло завернуть к озерцу,

на котором проходили лучшие детские летние денёчки. Шум, гам, плеск воды! Красотища! Но путь ещё далёк.

Человек входил в деревню, когда солнце стояло почти в зените, и было оно белым. Как железо, раскалённое кузнецом в горне, не без помощи, конечно, босоногой шантрапы, вьющейся под ногами кузнеца. Каждому из них хотелось подёргать за жердь, скреплённую с мехами, раздувающими свистящий огонь, готовый расплавить самую терпеливую железяку — подкову, чеку в ось, «костыль», засов...

На улице — ни души. Дорога вдоль деревни заросла травой в пояс, значит, по ней не ездят давным-давно. Изба Сергеевых — нежилая. Окна выбиты, крыша просела, изгородь повалена, калитки нет совсем. С другой стороны улицы изба такая же нежилая.

«Вот и моё “родовое гнездо”», — человек с трепетом стал всматриваться в то, что было для него всегда родным и близким, но отстояло за тысячи вёрст, отдалялось десятками лет.

«Родовое гнездо», хворое всеми болезнями запущенности, выглядело удручающе. Ни окон, ни дверей. Косые стены, дырявая крыша, пробитый потолок с дырою в высокое небо, нет половиц в прихожей, а в зале они вздыбились и покорежились. Двор в лебеде и крапиве, вдоль поваленного прясла — лопухи под небо. Глянув туда, где был огород, человек с немалым трудом угадал в чёрной халупе под дранкой былую баню.

«Может, начать с бани, — задумался он. — Её проще привести в подобие жилья?»

Из-под стены бани выскочил и, не спеша, побежал за огороды заяц. Человек улыбнулся и покачал головой.

Он был прав, баню, выходило, проще приспособить для жилья. Оконце с привычно тусклым стеклом цело, дверь надёжно закрывалась, крыша не просела и без дыр в потолке. Правда, запах нежилого... Но его можно быстро выветрить. Печка, с вмазанной в неё бочкой для горячей воды, тоже исправна. Не развалилась от времени. Глянув на полок, человек усмехнулся, очевидно, вспомнив моменты, когда отец стегал его веником и приговаривал: «Не кряхти, как старый дед! А веничек ещё никому не мешал! Привыкай к жару — он полезительный!»

Вынув раму, раскрыв настежь дверь, человек присел на лавку в предбаннике, закурил. Дымок вдохнул жилой дух в сырую темницу.

Колодец, который стоял между избой и баней, был полон воды. Крышка колодца валялась рядом, но годилась только на растопку печки. Недалеко от колодца валялось и ведро. К его обмятости прибавились дырки от ржавчины.

«Котелком воды не натаскаешь, надо пройтись по соседям, может, что подходящее сыщется». Сыскалось. У Сергеевых валялось ведро, и дыр там было не так много, и не такие они большие — если бежать, то не вся вода выльется.

«Пройтись, что ли, как бывало, вдоль улицы, авось, кто-то и живёт в этом царстве безмолвия, — задумался человек. И скоро он уже шагал по некогда шумной улице, глядя по сторонам, надеясь встретить призрачное чудо. Но чудо не спешило удивлять. — Вот изба Шеметовых. Крепка ещё с виду, а что внутри? — Внутри — колченогий стол, пыльный матрац, без одной ножки стул. И везенье — на кухне алюминиевый ковш, чугунок и совсем целое ведро. — Робинзону меньше везло, чем мне. Такое богатство!»

Деревня оказалась обитаемой. Недалеко от противоположного края жил старый дед, в котором несомненно человек признал Матвея Вокина, старого ещё в то далёкое время. Сейчас он был стар ещё больше, но всё помнил. Прищурясь, сведя нос с подбородком, чему совсем не мешал беззубый рот, он долго рассматривал человека, а потом и сказал с убеждённостью:

— Не сразу, паря, я тебя признал. Ты же ведь Игнатия Прокопенки сын — Серёжка, стало быть?¹

— Да, дедушка, он и есть! — согласно закивал человек.

— Ходили слухи, ты в тюрьме сидел?

— Было и это, — признался человек.

— Мальчонкой-то был ты совсем неплохим, пошто так-то сталося?

— Сталось, дедушка, сталося. Наверное, и через это надо было пройти.

¹ В тексте автором используется сибирский диалект.

— Сибирь-то, край наш, полна такими. Да уж лучше не попадать туда, — вглядывался в гостя маленькими выцветшими глазками дед Матвей, стараясь увидеть, прочитать, угадать судьбу и намерения того.

— Лучше не попадать туда, — повторил в задумчивости и гость.

— А Верка-то ваша где? Она давно тута нос не кажет. У ей-то как жизнья?

— Не знаю, дедушка. Разошлись мы. Отказалась она от меня. И муж её отказался от плохого родственника. Бог им судья, я ничего плохого им не делал, ничего у них не просил.

— Плохо то...

— Как есть, — поджал плечи Сергей.

— Да... — призадумался и дед Матвей.

— Здесь больше никто не живёт? — после затянувшейся паузы спросил Сергей.

— Никто не живёт, — кивнул согласно дед. — Жила Анисья тута рядом, да уж полгода как схоронили.

— Как же ты, дедушка, один тут? А если...

— Я не один, — не согласился дед Матвей. — Бог со мной, а я — с им.

— Бог высоко, и за всеми не уследит, не поможет.

— Это как его просить. В ладу я с им, вот он меня и не оставят. Славь те, Господи, девяносто семь годочков топчу землицу, греюсь под его солнышком, слушаю божьих птичек...

— Девяносто семь? — удивился Сергей.

— Как один денёчек! — подтвердил дед Матвей, довольный произведённым эффектом.

— Это ж...

— Как один денёчек! — повторил дед Матвей. — Вчерась был такой, как ты, а сёдни — старец.

— И ничего не болит? — Сергей уставился в смешливые глаза деда.

— Слава Всевышнему, не болит.

— А... Питаешься чем? Хлеб откуда?

— Бывает, кто приезжат, то и привозит буханки две-три. Крупы какой приносят. Соль и спички есть, карасин есть. Живу.

— Всё же бывают тут люди? — оживился Сергей.

Кирпиченко Виталий Яковлевич

Писатель, публицист. Член Союза писателей Беларуси и Союза писателей России.

Автор книг: «У них были надежды», «Планета псов и ягнят» («Одинцовы», «Закон и справедливость», «Выбор»), «За долей», «Клуб дураков», «Год змеи», «Волчье место», «Жених по объявлению», «Мальчик из контейнера», «Над окошком месяц» и других.

В 1999 г. — Первая премия за рассказ «Хроника одного рейда» на международном литературном конкурсе, проведенном журналом The New Review; в 2011 г. — диплом в номинации «Лучшая проза года в Беларуси» за роман «Одинцовы»; грамота за участие в литературном конкурсе по мотивам произведений К. Паустовского «Старая рукопись».

Награжден нагрудным знаком Союза писателей Беларуси «За вялікі ўклад у літаратуру».

